

Новый рельеф творчества...

Предисловие

У каждого писателя в жизни (а говоря о «жизни» я подразумеваю, конечно же, главную часть его сути и личности: творчество), случаются изрядные потрясения. Нечто вроде землетрясения или извержения вулкана, о существовании которого писатель до того, возможно, и не догадывался. То есть догадывался — знали же обитатели Помпеи, что тамошний вулкан время от времени клубится и раз в сто лет изрыгает кипящую лаву. Знали, но о том, что эта кипящая лава может докатиться до них, затопить и сжечь навсегда пленительный и развратный город, уничтожить все прошлое... как-то не задумывались.

А между тем, под влиянием какого-то жизненного потрясения, в недрах души и сознания творческого человека сначала неявно, потом все заметнее начинает накапливаться такая вот горячая лава, которая ищет выхода, пробивает себе пути во тьме подсознания, в недрах души... И наконец горячей лавой затопляет огромную часть жизни, меняя в ней практически все: что-то уничтожая, но создавая при этом новый рельеф местности и души.

Новый рельеф творчества.

Как правило, это случается с созданием первого крупного произведения. Первого романа. Это переворот в творческой жизни писателя, в ее масштабе. Это но-

6 вая высота, с которой ты взираешь вокруг гораздо шире и дальше, чем прежде, потому что ты взошел, взобрался на эту гору, ты взял эту высоту; ты заглянул в кипящее жерло вулкана и выжил, и сдюжил, и окреп.

Со мною такое было несколько раз в жизни. А впервые произошло — с романом «Вот идет Мессия!».

Во-первых, уже сам объем этого замысла — не странный объем, а масштабный: многолюдный, много-темный, многострунный — внушал мне внутренний трепет. Этот замысел явно тянул на огромное сооружение. На роман. До того я боялась даже слово такое мысленно произнести, настолько боялась, что первую свою крупную вещь — «На Верхней Масловке» — назвала не романом (как можно! мы маленькие и скромные), а *повестью*, хотя и по количеству героев, и по размаху темы, да и по объему, и по образу главной героини — это был как раз таки роман. Но повторяю: как можно? В то время в своей профессии я робела каких-то определений и слов.

Но затем случилось вот что. Я переступила порог, жизненный, судьбинный: уехала в другую страну, оказалась на острове иной жизни, как Робинзон Крузо. И принялась его обживать — сурово, и мужественно, и отчаянно. Временами растерянно. Много там было оттенков чувств, и все они описаны.

Остров назывался Израиль.

Жизнь была какая-то дикая: смешная, муторная, героическая и восхитительная разом; объяснить ее, как-то растолковать людям посторонним... казалось совершенно невозможным. Можно было только описать ее скрупулезно, последовательно, шаг за шагом, смешно и страшно. Вокруг меня клубилась какая-то гомерическая реальность: русское радио, русские газеты, мелкий

паршивый русский бизнес. Родные знакомые завязтые мошенники. Это с одной стороны. С другой стороны, на нас наваливалась и крутила, как щепку в водовороте, новая жизнь с ее реалиями, лицами, интересами. С ее законами и моральными установками, с ее святыми и праведниками, с ее бандитами и политиками.

С ее неизбывной памятью о шести миллионах замученных...

Моя приятельница Вика приехала в Израиль навестить сына, который к тому времени жил и работал здесь уже лет восемь. Однажды утром, обыскавшись в сумке то ли паспорта, то ли кошелька, она воскликнула: «Боже мой, это катастрофа!»

Сидевший за компьютером сын произнес, не поворачивая головы:

«Мать, в этой стране в это слово вкладывают только один смысл».

* * *

Но с нашествием «русских» в новую страну стали меняться и привычные местные реалии. Хозяева ресторанов и кафе, прежде выставлявшие на каждый столик бутылку вина за счет заведения, очень скоро спохватились. Новые клиенты, заказав тарелку хумуса и несколько пит, сидели, часа полтора занимая столик, с удовольствием уговаривали бутылку до доньшка и отлично себя чувствовали, платя сущие копейки! Владельцы закусовых боялись разориться.

Очнулись полицейские, которые до великого нашествия русских на Израиль, не сразу отличали пьяного от больного.

Например, наш приятель, приехавший в Израиль в семидесятых годах, однажды возвращался домой на

8 своей машине со свадьбы племянницы. Свадьба была настоящей, веселой русской свадьбой... На полпути его остановили полицейские, которым показалась странной его манера водить. Поначалу они даже не поняли — что с человеком творится. Решили, что он болен. Когда же он принялся подробно рассказывать о свадьбе, пытаюсь пропеть все песни и пересказать все услышанные там неприличные анекдоты, эти ребята (все-таки люблю израильскую полицию!) — погрузили его на свой джип и часа полтора катали по ночному Иерусалиму, — проветривали. После чего вернули его к машине и отпустили восвояси.

Но это было давно. С наплывом в страну миллиона «русских» к нетрезвым водителям в Израиле стали относиться гораздо строже.

Острая политическая каша, в которую угодили ни сном ни духом в ней не ведающие бывшие советские люди, их оторопь и стремление примкнуть немедленно к «правильной» стороне арабо-израильского конфликта тоже всю эту жизнь не упрощало. Бывшие наши люди вливались в правый или левый политический лагерь вечной войны просто по месту жительства: угодив в какой-нибудь кибуц с его социалистическими ценностями, включались в борьбу за мир во всем мире; поселившись где-то в поселке на «оккупированных территориях» и вооружившись «глоком» или «береттой», становились ярыми поселенцами, борцами за правое дело, ну и неплохими стрелками.

Само собой, и тот, и другой образ жизни изобиловал своими анекдотами и своими драмами. Мы люди кардинальных чувств: комедия и трагедия, столь странно слившиеся на этой земле в едином спектакле, порождают бурную накипь странных сюжетов.

Давным-давно лежит у меня в запаснике некая история, которую много лет я не решалась вынести на обозрение публики. А сейчас вот думаю: почему бы и нет, ведь это было. Это тоже краска местной кипучей жизни. Страшная краска, но и наглядная.

Просто: беглая встреча в кулуарах местного телевидения. Мой приятель Володя, ведущий одной из новостных программ, пригласил меня в передачу. Он только что отснял беседу с главой внутренней разведки северного округа страны, и перед следующей записью мы троим сидели в гримерке на диване и пили кофе. Разговор шел, в общем, о том о сем, временами шуточный: военный начальник оказался человеком насмешливым, с хитрым прищуром. И внешне очень колоритным: бритая до блеска голова, косматые черные брови и яркие зеленые глаза. И ни словечка без двусмысленной остроты!

Вот вы, русские, улыбаясь, говорил он, очень кровавые, все вы экстремисты. Всем вам подавай войну да репрессии. Все вы еще не излечились от Сталина.

Володя начинает горячиться, сыпать цифрами и фактами. Доказывать, что израильтяне, уроженцы страны, не в состоянии понять ментальность своих соседей-мусульман, и отсюда все их стратегические и дипломатические просчеты.

Начальник улыбается, как ни в чем ни бывало. Говорит: «Это я-то не могу понять ментальность мусульман? Я, который родился в Ираке, рос среди них, дружил с ними, справлял с ними их свадьбы, скорбел на их похоронах? Что ты понимаешь в Востоке! Рассказать тебе сейчас, что такое мусульманин и его чувства? Его кодекс мужчины? Вот слушай.

Пару лет назад звонит мне из Америки друг, он дипломат, наш человек, работает в посольстве Израиля.

10 Говорит: Нури, дело есть. Один мой здешний знакомый едет преподавать в университет Бир-Зайд, в Рамаллу. У него корни оттуда, он из тамошней семьи, но сам родился в Америке, получил образование в Кембридже. Жена — американка, двое детей. Он психолог, автор двух книг, совершенно западный человек... Встреть его, прошу, чтобы подчеркнуть, как мы, израильтяне, приветствуем привлечение в палестинские вузы интеллектуальной элиты прозападного толка... Ну, о чем речь: я встречаю, везу их на место, в Рамалле для них уже снята прекрасная вилла. А парень — да, совсем американец, такой симпатичный, улыбчивый. И жена — симпатичная блондинка, и детишки такие милые. Привез я их, пожелал хорошо устроиться, хорошо провести год — его на год пригласили, пожал ему руку и откланялся... Ну, ладно... Проходит где-то месяцев шесть-семь, звонят мне из отделения полиции в Рамалле, спрашивают: ты такого-то знаешь?

— Знаю.

— Приезжай. Мы тут остановили его с неким... портфелем. Сам увидишь!

Я еду, думаю — ну, хорошо! Неужто позволил затащить себя в какую-нибудь экстремистскую группу? И что там могло в портфеле оказаться, а? Вот ты, знаток психологии восточного человека, знаток стратегии-математики... ты подумай и скажи.

— Ну, что: взрывчатка? Или наркотики? — предположил Володя.

Тот не без удовольствия покачал головой и сказал:

— Голова жены.

Тут мы с Володей громко ахнули и вытаращили глаза. А наш бритоголовый бровастый зеленоглазый хитрец продолжал:

— Да-да, вроде он застукал ее с кем-то...Что поде-
лать: вполне восточная, вполне мусульманская история.
Видно, с психологией у него нестыковочка вышла: пре-
подавал он одну, а практиковал другую. Несмотря на
Кембридж.

И мы надолго замолчали...

В общем, вся эта жизнь... Это был даже не Шолом
Алейхем. Это была какая-то повесть О.Генри, Бабеля,
сказок Шехерезады и пронзительных жестоких библей-
ских притч.

* * *

Замысел романа «Вот идет Мессия!» оказался клочко-
ватым и пестрым, как и вся здешняя жизнь. И трагиче-
ским, и гомерически смешным. Более того, все, что я на-
меревалась изобразить, было настолько противоречивым,
что мне понадобилось буквально расщепить надвое глав-
ную героиню. Мне, как в библейской притче о право-
судии царя Соломона пришлось рассечь себя надвое, на
двух главных героинь: писательницу N., и просто милую
женщину со странным мужским именем Зяма, редактора
местной русской газеты. Мне пришлось расселить их по
совершенно разным местам.

Сделать это было нетрудно.

В то время мы с семьей жили уже не в крошечном по-
селке на верхушке горы, что возвышалась над арабским
городом Рамаллой, а на совсем другой вершине, что воз-
вышалась над неким примечательным перекрестком:
местом встречи Иисуса с Добрым Самаритянином. Это
был любезный моему сердцу белый городок, куда я и по-
селила одну из героинь. А вторая по-прежнему жила, как
и я когда-то, в асбестовом вагоне на сваях, и добиралась
оттуда в разные части страны на попутках, рассекая хищ-

12 ные арабские села с двумя стволами — на случай, если откажет один.

И все это была я, именно я собственной персоной. Всяко случалось на этих дорогах: в машины, где я на рассвете дремала на заднем сиденье, летели камни, бутылки «молотова», а бывало, и вжикали пули.

Но и солнце было, и ослепительное небо, и кусты винно-красной бугенвиллеи, и счастье, счастье, что взмывает в тебе, казалось бы, неоткуда, просто от молодости, из каких-то гормональных глубин — все это тоже была именно я.

Роман «Вот идет Мессия!», с бесконечной свистопляской десятков его персонажей, конечно же, самый болевой в моей творческой биографии. Самый глубинный, самый трагический и... самый стремительно-счастливый.

Это калейдоскоп той самой жизни, которая несется вскачь, не интересуясь — как ты там, держишься еще в седле или уже сверзилась на камни?

Несется, несется вскачь, меняя рельеф творчества.

Дина Рубина

ВОТ ИДЕТ МЕССИЯ!..

РОМАН

Часть первая

Я верую полной верой в приход Мессии, и хотя он медлит, я буду ждать каждый день, что он придет.

Маймонид.

13 принципов веры

— Доброе утро, дорогие радиослушатели! Радиостанция «Русский голос» начинает свои передачи из шестой иерусалимской студии. Сегодня девятнадцатое марта, вторник, по еврейскому летоисчислению — каф зайн месяца адара, пять тысяч семьсот пятьдесят пятого года. Прослушайте сводку новостей, с которой вас познакомит Алона Шахар.

— Пятеро солдат убиты и четверо ранены в результате вчерашних столкновений с террористами из отряда «Хизбалла» на границе с Ливаном. Боевики «Хизбаллы» привели в действие взрывное устройство, когда наши солдаты патрулировали...

1

— А между тем Машиах придет в две тысячи седьмом году! — Сема закурил и, спохватившись, стал ковшиком ладони предупредительно гонять дым перед носом собеседницы. — И я это с детства знал.

— Да? — вежливо заметила она, размешивая ложечкой сахар в кофе.